

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

The background of the cover features a dramatic illustration of a muscular, bearded man and a bride. The man is shirtless, showing his well-defined muscles, and is wearing jeans. He is looking down at the bride with a serious expression. The bride is wearing a white wedding dress with lace detailing and a veil. She is holding a bouquet of white roses. The scene is set in a dark, urban environment with buildings in the background.

Невеста для Жана

УЛЬЯНА СОБОЛЕВА

Ульяна Соболева
Невеста для Хана
Серия «Монгольское золото», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57190478

SelfPub; 2020

Аннотация

Когда в первую брачную ночь вместо любимого ко мне в спальню вошел жуткий незнакомец и заявил, что теперь я принадлежу ему, я еще долго не могла поверить в шокирующую правду – меня проиграл в карты мой собственный муж и отдал на 30 дней в рабство ужасному человеку по кличке Хан.

На обложке использовано лицензионное изображение автора doodko (Aleksandr Doodko) с депозитфото.

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	14
Глава 3	24
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Глава 1

– Сними эти белые тряпки! Мне они не нравятся.

Обернулась и вздрогнула от ужаса. Это был не мой Павлик, а тот жуткий человек с раскосыми черными глазами. Он стоял возле двери, прислонившись к ней спиной и сложив руки на мощной груди, покрытой черной порослью вверху и татуировками, переходящими на плечи. Голый по пояс, в шелковых штанах с низкой посадкой, открывающих его плоский живот почти до самого паха. Ниже опустить взгляд я не решилась, стало нечем дышать. Огромный, как скала. Весь словно отлитый из темной бронзы. Широченные плечи, сильная бычья шея и рельефные накачанные мышцы, перекатывающиеся под лоснящейся темной кожей, как бугрящиеся канаты. Казалось, мужчина занял собой все пространство гостиничного номера. Он может переломать меня пополам одной рукой без особых усилий или свернуть мне шею. И этот страшный взгляд из-под густых черных бровей, который пронизывал меня насквозь еще там на церемонии бракосочетания и потом в зале, полной гостей, заставляя покрыться мурашками. Лицо, скрытое до половины бородой, внушало суеверный ужас. Мне никогда не нравились бородатые.

Не знаю, как он проник в комнату. Я ведь закрылась изнутри, а ключи от номера были только у моего жениха.

– Как вы вошли? Убирайтесь немедленно! Кто вы такой?!

Схватила халатик, лихорадочно пытаюсь натянуть на себя и прикрыться. Жуткий гость ослабился, сверкая белоснежными зубами, и сделал шаг ко мне, прокручивая между пальцами карточку-ключ. Я все еще думала, это какая-то шутка или ошибка. Может быть, Паша решил так пошутить в нашу первую брачную ночь и сейчас выскочит из-за двери, улыбаясь своей умопомрачительной звездной улыбкой и размахивая смартфоном. Он любил все снимать и тут же выставлять в соцсеть.

– Кто я? – страшная ухмылочка. – Ты будешь называть меня Хан, Птичка.

Тяжело дыша, осмотрелась по сторонам и попятилась к балкону.

– Я закричу, позову охрану. Сейчас сюда зайдет Паша и... и вышвырнет вас! Убирайтесь из моего номера! Вон!

Подошел ко мне и выдернул из моих рук халатик, разорвал его у меня на глазах и отшвырнул в сторону. В нос ударил запах дорогого парфюма и терпкий аромат мужского тела. Он меня пугал. Никогда раньше я не видела полуобнаженного мужчину так близко.

– Сюда никто не придет. Твой Паша особенно. Он проиграл в карты и отдал тебя в уплату долга – МНЕ. Я пришел взять свой выигрыш. Снимай с себя все эти тряпки по-хорошему, залазь на стол и раздвигай ноги. Я голоден и хочу трахать тебя сейчас!

Ранее

– Я так счастлива, так счастлива!

Кружилась по комнате, раскинув руки, чувствуя, как пышное свадебное платье встает колоколом и закручивается вокруг ног, а волосы колышутся и хлещут по покрасневшимся щекам. Кровь бурлит, пенится от счастья.

– Сумасшедшая, прическу испортишь.

– Не испорчу, тетя. Не испорчууууу. Я сегодня за Павлика замуж выхожу. О Божееее! За Павлика Звезду! Аааааа. Я сама в это не верю.

Схватила тетушку за руки и заставила прыгать вместе со мной. Ее полные щеки покраснелись, а красно-каштановые, крашенные пряди волос выбились из закрученной на затылке «гульки».

– За самого красивого мужчину. За звезду эстрады. Зааааа само совершенствоооо. За талантищеее, – я не знала, каким еще титулом наградить жениха, в которого была беззаветно влюблена. А кто был не влюблен в лунного мальчика? В Павла Звезду, чья карьера так стремительно взлетела вверх после «Фабрики Талантов». Я влюбилась, как только увидела его по телевизору, а потом моталась на концерты, стояла с блокнотом и ждала автографа, если повезет. Мне не везло. Он ни разу меня даже не заметил. А потом объявили этот отбор и... свершилось самое невероятное чудо.

О, как же он красив. Его белокурые волосы отливали пер-

ламутром, а голубые глаза походили на клочки весеннего неба. Он был похож на ангела, сошедшего с небес. Моя комната увешана его портретами, и каждый раз, когда я туда заходила, то представляла себя рядом с ним. Представляла, как он увидит меня и полюбит с первого взгляда. Мне исполнилось всего лишь восемнадцать, я ходила на балет, рисовала акварелью и писала стихи. О нем. Все, что я творила, было только о нем и для него. Ведь без любви нет вдохновения, а я вся была пропитана любовью к Павлику.

– Все. Хватит скакать, моя дурочка. У меня давление как подпрыгнет, и вместо свадьбы будешь скорую вызывать и компрессы мне ко лбу прикладывать.

Тетя Света сжала мои запястья и остановилась, разглядывая меня и улыбаясь.

– Я вижу, как ты счастлива, девочка моя, и я счастлива за тебя втройне. Не знаю, каким чудом он выбрал именно тебя среди всех этих фанаток, среди чокнутых поклонниц и тысяч ярких женщин...

– Это судьба. Просто судьба. Так должно было случиться. Потому что я предназначена ему самой судьбой. Я его, а он мой.

Никто не верил, что я, Вера Измайлова, попаду на шоу и... и получу в женихи самого Павлика Звездного. Что он выберет именно меня. Когда прислали приглашение на первый раунд, тетя даже не сказала мне об этом. Подумала, что это розыгрыш.

Куда нам до всяких шоу. Живем обе на ее пенсию, я только в университет поступила и на работу официанткой устроилась. Квартира старенькая бабушкина и мебель в ней тоже бабушкина. В гости кого-то позвать стыдно, настолько все ветхое.

Приглашение тетя мне сама отдала, когда я уже отчаялась его получить, когда поверила, что меня никогда не позвали бы на такое шоу, и тихо плакала у себя в спальне от отчаяния и обиды.

– Почему? Чем я хуже их всех? Я уродлива? Кривая или косая? А может, проклята? Или там на деньги смотрят? Неужели везде смотрят только на деньги? Все покупается и продается! И люди тоже!

– Ну что ты, моя девочка, ты самая красивая и ты дашь фору любой из этих тупых куриц. Они по сравнению с тобой шлюшки дешёвые.

– Какую фору, тетя? Он фото мое увидел в этих... в этих ужасных джинсах и... даже рассматривать не стал. Куда мне с ними тягаться? Не надо было ничего отсылать. Дура... дура... дура.

– Глупенькая моя, увидел и обалдел. Приглашение еще неделю назад пришло – с курьером принесли.

Она гладила меня по голове в этот момент, но едва произнесла слово «приглашение», я подскочила и схватила ее за мягкие полные плечи, не веря своим ушам.

– Приглашение?

– Да, приглашение. Ты ведь девочка у меня красивая. Ку-
колка моя. Они не могли не прислать. Просто не могли.

– И...и где приглашение?

– Ты ведь не собираешься туда ехать, Вера?

Я не верила, что она говорит это на самом деле. Не верила, что тетя скрыла от меня приглашение на первый раунд отбора и теперь пытается отговорить от такого шанса.

– Почему?

– Потому что нечего нам там делать. Ты не такая, как они. Ты скромная, хорошая девочка. Сожрут тебя там, не глядя. Куплено все на шоу этом, понимаешь? Нет там чувств и правды. Только бизнес и деньги. Боюсь, что обидят тебя... птичку мою.

Я смотрела ей в глаза и видела там этот блеск разочарования, жалости и собственной вины.

– Да и тебе нечего туда надеть, моя хорошая. Мы совсем на мели. Все продано и проедено.

– А мамино платье? То, из Франции. Зеленое с бархатными вставками. Ты говорила, она его всего один раз надела перед... перед аварией.

– Оно будет велико на тебя. Да и сколько ему лет? Наверняка, мошь побила.

– Помнишь, как Скарлетт О'Хара наряд из штор сшила? Кстати, то платье тоже было зеленое. Мы его подошьем. Тетя, любименькая моя, ну пожалуйста. Я так хочу его увидеть... пусть он не выберет меня, но я хотя бы увижу. Это

же сам Павел Звезда! Пусть потом домой и ни с чем... но я хотя бы на жизнь посмотрю, на людей, в столице побываю.

— Вся в мать свою. Ей тоже не сиделось.

Проворчала тетя и пошла в свою комнату, а я за ней.

— Ты говорила, что мама с папой счастливы были.

— Говорила... я много чего говорила. Был бы он нормальным человеком, отец твой, не сел бы выпившим за руль и не убил бы свою беременную жену, и сам бы не умер от травм.

Как всегда, при этих словах ее глаза наполнились слезами, и она решительно открыла шкаф. Достала дрогнувшей рукой платье и показала мне.

— Велико будет. Ростом ты, не знаю, в кого мелкая такая. Ушивать придется.

Он был ослепительнее, чем по телевизору, и ярче, чем само солнце. Красивый, отчеканенный, ровный нос с легкой горбинкой. Высокий, худощавый, стройный, даже чуть нежный, от чего его очарование казалось каким-то неземным. Утонченность и ухоженные, длинные, соломенные, выющиеся волосы сводили с ума всех женщин от мала до велика, как и его тонкий, женственно высокий голос, а меня, восторженную девчонку, и подавно. Я смотрела на это совершенство, талант, красоту и хлопала глазами, чувствуя, как сильно и гулко колотится мое сердце. У Паши был красивый лоб, словно нарисованный художником, узкий подбородок с ма-

ленькой ямочкой, светлая ровная кожа. Он поглядывал на всех присутствующих девушек самоуверенным взглядом самой настоящей звезды, как в его клипах, чуть презрительно и обаятельно, и так ослепительно улыбался представленным ему претенденткам. Мне он улыбнулся точно так же. Но я готова была за эту улыбку продать душу дьяволу.

– Посмотрите на это ужасное платье? Откуда она его достала, с какого сэконд хэнда? – послышался женский голос позади меня, и я внутренне напряглась.

– Сняла со своей мертвой прабабушки, когда ту хоронили. – хихикнула другая.

– Думаешь?

– Конечно. С морга вещички забрала и в шкаф... нет, в сундук спрятала. Так и передают от прабабки к прабабке!

– Ага, в нем только милостыню у метро кланчить.

Когда я обернулась, девушки демонстративно замолчали и сжали губы, сдерживая смех. Я постаралась успокоиться и не прислушиваться.

– Посмотрите на ее туфли. Век динозавров. Полный отстой. На рынке за пару тыщ купила в распродажу.

– И эти волосы. Жесть. Она б еще кокошник надела. Косу заплела – деревня, мля! Почему на шоу нет селекции? Я бы сэлфи сделала, так эта убогая в кадр лезет стыдно выставить в инсту.

– У прабабки-покойницы волосы взаймы взяла. Коса накладная, девочки. Что вы понимаете? Писк моды.

Снова расхохотались, и я резко обернулась к ним, они замолчали, отворачиваясь и поглядывая в стороны и на потолок. Я медленно выдохнула, вспоминая, как обещала тете ни во что не вляпаться, и пытаюсь сдержать ярость, но не справилась. Одна из высокомерных куриц прошла мимо меня, и я подставила ногу, а когда она падала, дернула за волосы. Растянувшись на полу, с задранной юбкой, оторванными накладными трессами, курица уже не выглядела столь великолепно, а ее подружки теперь весело хохотали над ней самой.

– Анька говорила, ее волосы так великолепны, что еле уложить смогла.

– Они были великолепны до того, как забыли отрасти. – сказала я и поддела одну из тресс носком туфли. – Кажется, искусственные.

– Ах ты ж... дряяянь!

Девка бросилась на меня с кулаками, но я всегда умела за себя постоять, и уже через мгновение под глазом Анны красовался багровый синяк.

– Что здесь происходит?

Начальник охраны павильона появился как из-под земли и грозно посмотрел на каждую из нас.

– Эта...эта девка вцепилась мне в волосы и ударила меня. Кто допустил ее сюда? Эту бомжиху в грязных тряпках и стоптанных туфлях? От нее воняет тройным одеколоном! – она демонстративно зажала нос, а у меня потемнело от злости перед глазами.

– Я не бомжиха. Меня пригласили.

Ничего не успела сказать, как меня схватили под руки и потащили прочь из зала.

– Я же показывала приглашение.

– У нас таких с приглашениями знаешь сколько? Давай по-хорошему вали отсюда, не то все кости пересчитаю. Или пацанам отдам, во все дыры тебя отымеют. Давай. Пошла отсюда!

Выдернула руку из цепких пальцев охранника, второго пнула по коленке, и едва они разжали руки, побежала обратно в залу, перецепилась за многочисленные шнуры и переходники от камер и оборудования и чуть не упала, вылетев в центр павильона.

– Хан вернулся, ты слышал?

– Какого черта? Разве его не пристрелили? Он потребует... – в голосе Павлика слышались панические нотки, но он не договорил, как раз в этот момент я на него и налетела со всего разбега.

– Что происходит, Аркадий Иванович? Что это? – взвизгнул Павлик и шарахнулся от меня в сторону.

«Этим», судя по всему, была я.

Глава 2

– Простите. Каким-то образом эта оборванка пробралась на кастинг. Ее сейчас выведут. – охранник уже сцапал меня за шиворот и потрянул, как тряпку.

– Я не оборванка! Я – Вера Измайлова. Меня пригласили. Или это шоу не для всех?

– Как-как? Измайлова? Не помню такую, – пожав плечами сказал Павлик, а я на секунду потеряла дар речи от его близости и красоты, но времени на молчание у меня не было, так как жесткие пальцы охранника-мордоворота сдавили мой локоть, чтобы дернуть к себе снова.

– На видео... я танцевала и стихи для вас написала.

Сиваков что-то шепнул Павлику, и тот, изменившись в лице, повернулся ко мне.

– Черт... Да, вы правы. Я забыл... Возьмем ее.

Посмотрел на меня и снова на Сивакова:

– Не хватало еще потом выслушивать, что набирали только из своих. Пусть разбавит элиту, – шепнул ведущий, – ну и заказ... ты ж знаешь. Она подходит.

– Конечно, подхожу. – в отчаянии взмолилась я. – Я ведь так вас люблю и буду лучше всех. Они здесь ради денег и славы, а я ради вас самого.

Лицо Павлика расплылось в улыбке и взгляд смягчился. А у меня дух захватило от ямочки на его щеке и от этой легкой

небритости, от его чувственных губ.

– Если ты получила приглашение – значит останешься здесь. Шоу для всех. Особенно для талантливых, – тронув мои волосы добавил, – и влюбленных.

Наверное, в этот момент я и понравилась ему. Или позже. Когда он танцевал со мной. Да, скорее всего, именно тогда. Ведь был этот момент, как в книгах... что-то щелкнуло, екнуло и захлестнуло безумием, любовью с первого взгляда. Ведь это точно любовь, когда бабочки порхают в животе и по коже мурашки от одного его взгляда.

Но тогда Звезда многозначительно взглянул на Сивакова, проходившего мимо стоящих в ряд претенденток и рассматривающего их, как лошадей в стойле, когда говорил, что возьмет меня.

– Верное решение, Павлик. Не зря тебя так любят твои поклонницы. Ты сама доброта, – равнодушно сказал ведущий и тут же призывно улыбнулся одной из претенденток.

– Жаль... жаль, я не главный герой шоу, – щелкнул языком и погладил обнаженное плечико смуглой девушки.

Разве он не женат, этот Сиваков? Кажется, в одной из газет было написано, что у него трое детей имеется и жена.

Обезумевшая и взволнованная от настоящей встречи с самим Павликом, окрыленная, влюбленная впервые в жизни, как дурочка, очарованная и покоренная звездой (с разных букв, с большой и с маленькой) я мчалась на такси домой. Всем претенденткам вызвали машину. Кого-то забрали на

шикарных иномарках. Когда-то и мы жили по-другому, и у нас тоже была машина и квартира в центре города.

Но об этом я слышала лишь из рассказов тети. Как и о своей матери с отцом. Они погибли в аварии, в которой я чудом выжила. Ехали с какого-то приема, мне было четыре, и отец не справился с управлением, машину занесло на встречную под колеса «Камаза». Меня успели выбросить из окна. Отец был инженером-архитектором, мать была красавицей и мечтала стать актрисой. Тетя говорила мне, что она была невероятной, но встретила моего отца и... все. И в столицу не поехала. Мама погибла сразу... а отец долго лежал в коме, перенес множество операций. Тетя квартиру продала, чтоб его вытянуть с того света, хотя и считала убийцей своей сестры, но папа не выжил.

Когда бабушка умерла, а следом за ней и дед, моя мама уехала и мало общалась с сестрой. У них были тяжелые отношения и разногласия. Тетя не одобряла того, что мама хотела стать актрисой, как и ее любовь к папе.

С личной жизнью у тети не сложилось. Она посвящала себя работе и так и не вышла замуж, не родила своих детей. Меня она забрала из больницы, где после аварии умерли мои родители, и сразу удочерила. Ее зарплаты учителя едва хватало на нас и на коммунальные выплаты. Мы едва сводили концы с концами. Шоколад я видела на свой день рождения и на новый год. Мы с мамой Светой экономили каждую копейку.

Спустя неделю после последнего раунда к нам пожаловал Сиваков и сообщил, что я избрана невестой Звезды, и финальный раунд уже будет просто красивым спектаклем, в конце которого Павлик сделает мне предложение и подарит кольцо. Вместо меня в обморок упала тетя, а я онемела и не могла ответить ни на один вопрос ведущего, который лучезарно улыбался и даже не присел на предложенный ему стул. Я, может быть, и заметила бы, как брезгливо он морщит нос, но новость о том, что выбор пал на меня, обескураживала до такой степени, что я ничего не слышала и не видела. Меня не смутило даже то, что нас не снимали. Как сказал Сиваков: «не надо шокировать зрителей такой нищетой».

Потом они ушли с тетей на кухню, а я чуть не заверещала на весь дом от счастья. Мама Света вышла оттуда с какими-то бумагами в руках, а Сиваков удалился, огласив дату регистрации брака.

– Так быстро все произошло, – пожимала плечами тетя, – а где подарки для невесты? Где помолвка и приемы в ее честь? Не думала, что этот Звезда такой скряга. Разве не у него два дома и несколько иномарок?

Но я так привыкла к скромности и экономии, что не думала о подарках и драгоценностях. Ведь самым драгоценным подарком была эта свадьба и шоу. Но потом тетя успокоилась, когда мне сшили великолепное платье. За три дня до торжественной церемонии меня отвезли в самый модный в городе свадебный салон, сняли с меня мерки, я стояла

перед огромным дорогим зеркалом, когда меня обступили швеи, кололи булавками и иголками, пришивая белые кружева, ленты, цветы и жемчуг к пышному белоснежному платью из тончайшего воздушного шёлка, с очень низким круглым декольте, открывающим мои плечи, полушария приподнятой груди, спину, с широкой бальной юбкой из великолепной блестящей ткани, украшенной жемчугом и золотистыми нитями, под ней скрывался объёмный каркас, удерживающий всю эту ужасающе огромную конструкцию колоколом, как в исторических фильмах, и высоких перчатках со шнуровкой и розочками по бокам. Все это снимала съёмочная бригада, мне тыкали в лицо камерами и то и дело поправляли микрофон. И мне не верилось, что все это волшебство происходит со мной. Я вот-вот стану женой Паши. Конечно, нам мало удалось пообщаться за это время, только на постановочных свиданиях, которые снимали в разных ракурсах, но я была уверена, что у нас любовь. Самая настоящая. Как в кино. И с замиранием сердца ждала той самой заветной ночи, когда я стану принадлежать ему по-настоящему. Как в тех клипах, где он целовал других девушек, опрокидывая на постель, и они выгибались под шелковыми простынями, когда он их целовал. Или на капоте машины или... да какая разница где, ведь вместо них я всегда представляла себя.

Я стояла в этом невероятном, безумно дорогом, модном платье с кружевной вуалью, закрывающей мое лицо до поло-

вины, и с венком из белых искусственных роз с камушками в сердцевинах и на листьях перед алтарем рядом с Павлом, пахнущим самым сладким сном, мечтой и сводящим с ума своей неземной красотой. И не было никого счастливее меня в целом свете. Нас венчал сам Епископ Иннокентий, знакомый мне лишь из телевизора, в белой тиаре, с рассыпанными по ней бриллиантами и драгоценными камнями, он возвышался над чашей со святой водой, и при каждом произнесенном им «аминь» брызгал на нас ею под щелканье фотоаппаратов и нацеленных на нас огромных видеокамер. Пока я не произнесла самые важные слова в своей жизни:

– Да! Клянусь! Навсегда! Любить тебя!

Заученной заранее фразой, на которой настоял Сиваков.

– Клянусь! Пока смерть не разлучит! – чуть пафосно заявил, как в кино, Павлик и усмехнулся.

И посмотрела на своего новоиспеченного красавца-мужа, который держал тонкими аккуратными пальцами мое обручальное кольцо, перед тем как надеть мне его на палец, а я мечтала, как эти пальцы будут ласкать меня и касаться моих волос. Как будто видела нас со стороны.

Но вдруг широкие двойные двери торжественной залы распахнулись, и Епископ замолчал, а гости оглянулись, и я вместе с ними. В торжественную залу вошли странные гости. Их было человек десять. Одетых во все черное. Не русские. Они перекинулись парой слов на непонятном мне языке. Впереди всех вышагивал очень высокий мужчина, широ-

кий в плечах настолько, что закрывал собой стоящих позади него людей. Я бы назвала его огромной черной пантерой, а не человеком. Он двигался, как смертоносное животное, и его лицо с густой бородой казалось высеченным из камня. Все черты крупные, грубые. Резко выделяющиеся надбровные дуги, широченные скулы, выступающие вперед, как и глубоко посаженные раскосые черные глаза выдавали в нем восточные корни. Он осмотрел весь зал, словно отсканировал, и перевел взгляд на нас с Пашей, а потом сел в первом ряду. В руках у него была алая роза. Он крутил ее в цепких пальцах и посматривал то на меня, то на моего жениха. Когда взгляд его жутких глаз останавливался на мне, я слегка вздрагивала. В них не отражалось ничего, кроме глубокого мрака и какого-то кровожадного голода, способного умертвить все живое вокруг.

Он пугал. От него исходил запах опасности, запах смерти. Как будто эта свадьба легко могла стать похоронами, если только он этого захочет.

– Хан пришел.

– Видели? Он вернулся.

– Говорили, что он мертв, разве нет?

Я повернулась к жениху и, встретившись с ним взглядом, опять ощутила прилив всепоглощающей радости. Какая разница, кто там пришел в гости. Я сегодня стала женой Павлика Звезды. Я жена знаменитости, таланта, самого красивого и любимого мною мужчины. Не знаю, что там ждет меня

впереди, но точно нечто прекрасное.

После торжественной церемонии все гости сели за огромный, широкий стол, который ломился от самых разнообразных блюд. Но я от волнения есть не могла, думала только о том, чтобы все эти люди поскорее разъехались, и я осталась наедине с Пашей. За столом он сидел рядом со мной, но на меня почти ни разу не взглянул. Только когда позировал перед камерами, обнимал меня за плечи, и у меня сердце обрывалось от радости видеть его светлые глаза, направленные на меня, и сладкую улыбку, наконец-то подаренную мне.

А потом снова появился этот страшный человек, его гость, он прошел тяжелой походкой вдоль стола, и стихли все разговоры, ощутилось внезапно нахлынувшее волной напряжение, словно воздух стал тяжелым и раскаленным, как перед грозой. Страх. Он буквально витал в воздухе и как болезнь передавался от одного к другому. Я тоже его невольно ощутила. Незнакомца усадили неподалёку от нас. Позади него стали два человека в черном, сложив руки впереди и глядя в никуда, как роботы. Обслуга и организаторы праздника впадали рядом с ним в прострацию, млели и тряслись. Я видела, как мелко подрагивали руки официанта, когда он ставил перед гостем фужер и заказанное блюдо.

Мужчина вдруг резко повернул голову, и я ощутила, как мощно давит тяжестью его уничтожающе мрачный взгляд, невыносимо жесткий, властный и пронзительный, как будто пошло скользил по моему телу, словно просачивался сквозь

одежду и касался везде какой-то липкой грязью и оскорбительной похотью. Я старалась как можно дольше на него не смотреть. Мне было страшно, как будто передо мной появился сам дьявол.

А сейчас меня словно загипнотизировали, и я не могу отвести от него взгляд, как в кошмарном сне. Незнакомец слегка мне улыбнулся, и эта улыбка была такая же неприятная, как и его черные непроницаемые глаза, словно оскал зверя. Он поднес к лицу красную розу, вдохнул ее запах, продолжая смотреть на меня. Я тут же резко отвернулась, сгребла пальцами салфетку, смяла, стараясь не нервничать. Он внул мне какой-то суеверный ужас. И позволял себе смотреть так откровенно и отвратительно нагло на чужую невесту, как будто имел на это право. Ощутила, как стало не по себе от этого взгляда. Я невольно склонила голову Паше на плечо, взяла его под руку, ища у него защиты.

– Что? – раздраженно спросил он.

– Кто этот человек? Почему он так на нас смотрит?

– Какая тебе разница? Это мой гость. Дорогой гость. Улыбайся ему.

И снова отвернулся, высвободив руку и увлеченно беседуя со своим соседом-свидетелем. Ко мне подошел официант и протянул мне розу.

– Вам передали вместе с поздравлениями.

Судорожно сглотнула, не решаясь взять.

– Что думаешь? Бери! – послышался голос жениха. –

И спасибо скажи. Думает она. — увидел мой растерянный взгляд и направленную на нас камеру. — Я же сказал, это мой гость. Возьми цветок, ты сделаешь мне этим приятно. И улыбайся. На нас все смотрят! Передай драгоценному гостю нашу благодарность.

Улыбнулась Паше и взяла розу, и тут же выронила ее, уколов палец до крови. Официант подал цветок снова, а я положила его на стол и поднесла палец ко рту. Встретилась взглядом с черными раскосыми глазами незнакомца и вздрогнула всем телом. Его взгляд был еще более кровожадным, острым, чем раньше. Пробрал меня до мяса и до костей, как лезвием ножа.

Отвернулась, стараясь выровнять дыхание и успокоиться. На гостя я больше не смотрела, тем более заиграла музыка, и мой муж пригласил меня на первый танец. Когда я встала из-за стола, то нечаянно смахнула розу на пол и с удовольствием наступила на нее, ощутив под туфелькой мягкие лепестки и хруст ломающегося стебля.

Точно так же уже совсем скоро сломают и меня саму...

Глава 3

Мне было страшно, и в то же время по телу проходила дрожь предвкушения. Сегодня я буду принадлежать Павлику и только ему. Стану по-настоящему его женщиной. И страшно, потому что никогда и ни с кем ничего не было. Берегла себя. Хотела, чтоб красиво и по любви, хотела, чтоб помнить и не стыдно было. Тетя старой закалки у меня, она всегда говорила «умри, но не давай поцелуя без любви»*1.

Со мной все было очень сложно в плане любви и свиданий. Парни меня мало интересовали. Настоящие. Я Павлика любила. Все песни его слушала, знала наизусть... и мечтала... мечты, оказывается, сбываются. Я много и хорошо училась, сидела дома за книгами, балетная школа, потом художественная. Времени на мальчиков не было. Да и не нравилась я особо тем, кто обычно учит хороших девочек плохому. У меня была тетя с ее безграничной любовью, мои книги и учеба. А еще мои мечты и фантазии, в которых я была только с одним мужчиной – с Павлом.

С тех пор как я побывала на его концерте, меня уже никто и ничто не интересовало. И сейчас я стояла перед зеркалом в белоснежном нижнем белье, покрытом кружевами, и не верила, что все это происходит на самом деле, и я действительно стала женой Павлика Звезды. На мне все неве-

роятно дорогое. Безумно красивый лифчик открывал полушария груди, чуть приподнимая их вверх, и крест-накрест застегивался на спине. Трусики-шортики обтягивали бедра и просвечивались, и я стеснялась, что под ними все так видно... а еще больше кровь прилиwała к лицу, когда я думала о том, что Павлик их снимет. Белые чулки с широкой резинкой красиво обтянули ноги, и мне было непривычно видеть себя в таком виде с кружевным поясом на талии и жемчужными застегками, придерживающими чулки. Я казалась себе красивой... впервые в жизни.

И мечтала, как Павлик войдет в дверь номера, захлопнет ее, схватит меня в объятия и, уложив на постель, сделает меня своей. Как это происходит, я себе представляла. В интернете видела, в книгах читала. Но там это было про кого-то, а не про меня. А сейчас все это случится со мной, и я была уверена, что Павлик будет очень нежным. Как в фильме «Три метра над уровнем неба». Попросит меня сказать ему, когда остановиться, и его глаза будут светиться от любви ко мне.

А потом я стану взрослой, стану какой-то особенной для него, и он будет гордиться тем, что он был у меня первым. Не только в постели, а вообще и во всем. В нашей спальне не будет видеокамер, и он сможет целовать меня по-настоящему, а не в подбородок, и я признаюсь, что это первый поцелуй в моей жизни.

Набросила белый шелковый халатик и открыла дверь.

Разочарованно выглянула в коридор – ну когдааааа? Посмотрела на невысокий стеклянный столик, где красовалось шампанское, фрукты и два бокала. Потом взглянула на часы и тяжело вздохнула. Уже одиннадцать вечера. Почему он не оставит их всех и не придет ко мне? Съёмки ведь уже окончились. Но когда открывала дверь, снизу доносилась музыка, а значит, есть гости.

Наверное, он не может уйти, там все еще эти телевизионщики чертовы. Как же они надоели. Интересно, отвезли ли тетю домой? Я взяла сотовый и набрала маму Свету. У меня даже не получилось обнять ее, побыть с ней рядом, сфотографироваться. Сиваков сказал, чтоб перед камерами я этого не делала, а потом я потеряла тетю из вида.

– Ты уже дома?

– А чего это ты мне звонишь? Разве у тебя сейчас не брачная ночь с твоим супругом?

– Гости еще не уехали, и он пока с ними.

– А ты одна? Где ты?

– Я уже в номере.

– Не пойму, что может быть дороже прекрасной, любимой новобрачной?

– Тетяя! Павлик не герой твоих любовных романов. Сейчас все по-другому. Там телевидение, журналисты. Он ведь Звездаааа. Я вышла замуж не за обыкновенного мужчину.

– Ну и правильно. Сняли бы, как он уносит свою невесту в номер. Вы когда уезжаете в путешествие?

– Должны завтра рано утром. – подумала о том, что мы отправимся на яхте плавать по океану, и радостная дрожь пробежала по всему телу.

– Ясно. Ты мне хоть позванивай... Ох, что-то беспокойно мне совсем.

– Ну что ты, мама Света. Все хорошо будет, вот увидишь. Ты не представляешь, какая я счастливая.

– Ладно. Не буду себя накручивать. Конечно, все хорошо. Поздравляю тебя еще раз, моя девочка. Мама была бы в восторге... как жалко, что она не видит, какая ты у меня красивая и умная малышка. – ее голос дрогнул, и я на секунду представила ее лицо в этот момент. Представила слезы на ее глазах, и сама расстроилась.

– Не плачь! Ты мне обещала!

– Не буду...не буду. Вот молитву прочту вам в дорогу, вальерианки выпью и попробую уснуть. Непокойной тебе ночи.

– Тетя! – щеки зарделись, но она уже отключила звонок.... Если бы я тогда знала, что слышу ее голос в последний раз, и что через несколько минут начнется мой персональный ад.. я, наверное, говорила бы с ней совсем по-другому. Я бы хотя бы попрощалась.

Походила по номеру туда-сюда и набрала Павлика сама. Он не ответил. А после третьего раза сбросил звонок. Меня учили никогда так не делать... Стало неприятно.

Может, его заставили еще гостей развлекать и так надо по программе? Сиваков этот противный! Тогда почему Па-

ша мне не отвечает? Хорошо... я не буду расстраиваться, я просто его подожду. Он обязательно скоро придет. Павлик любит меня. Я это чувствую. Он ведь сам меня выбрал. Так сказал ведущий у нас дома. И когда мы были на свидании, он сжимал мою руку и гладил мои пальцы. В горле слегка першило от разочарования. Совсем не так я представляла себе первую брачную ночь и не о таком мечтала. Обидно до слез. Но я сегодня у алтаря давала клятву любить его и ждать, быть верной, оставаться рядом в болезни и старости. Поэтому я просто подожду. Такого мужчину, как Павлик, любая бы ждала.

Я сняла халатик и подошла к зеркалу снова... Потянула шпильки из прически, позволяя волосам рассыпаться по плечам и по спине до самых ягодиц. Тетя гордилась моей косой, любовно ее расчесывала и заплетала на ночь, и когда я предлагала ее обрезать, она кричала, что проклянет меня, а я смеялась, но волосы не трогала. Даже когда было совсем туго, и я думала их продать, тетя отговорила меня.

– Как можно отрезать это золото? У меня рука не поднимается. Твои волосы ослепительны, Верочка. Они – это и есть ты сама. Никогда не трогай их. Они твоя гордость. Этот цвет... такого ни у кого нет.

Я провела рукой по волосам и отбросила их назад, потрянула всей копной, позволяя им струиться по голой спине, и в эту секунду услышала мужской голос позади себя:

– Сними эти белые тряпки! Мне они не нравятся.

Обернулась и вздрогнула от ужаса. Это был не мой Павлик, а тот жуткий человек с раскосыми черными глазами.

Он стоял возле двери, прислонившись к ней спиной и сложив руки на мощной груди, покрытой черной порослью вверху и татуировками, переходящими на плечи. Голый по пояс, в шелковых штанах с низкой посадкой, открывающих его плоский живот почти до самого паха. Ниже опустить взгляд я не решилась, стало нечем дышать. Огромный, как скала. Весь словно отлитый из темной бронзы. Широченные плечи, сильная бычья шея и рельефные накаченные мышцы, перекатывающиеся под лоснящейся темной кожей, как бугрящиеся канаты. Казалось, мужчина занял собой все пространство гостиничного номера. Он может переломать меня пополам одной рукой без особых усилий или свернуть мне шею. И этот страшный взгляд из-под густых черных бровей, который пронизывал меня насквозь еще там на церемонии бракосочетания и потом в зале полной гостей, заставляя покрыться мурашками. Лицо, скрытое до половины бородой, внушало суеверный ужас. Мне никогда не нравились бородатые.

Не знаю, как он проник в комнату. Я ведь закрылась изнутри, а ключи от номера были только у моего жениха.

– Как вы вошли? Убирайтесь немедленно! Кто вы такой?!

Схватила халатик, лихорадочно пытаюсь натянуть на себя и прикрыться. Жуткий гость осклабился, сверкая белоснежными зубами, и сделал шаг ко мне, прокручивая между паль-

цами карточку-ключ. Я все еще думала, это какая-то шутка или ошибка. Может быть, Паша решил так пошутить в нашу первую брачную ночь и сейчас выскочит из-за двери, улыбаясь своей умопомрачительной звездной улыбкой и размахивая смартфоном. Он любил все снимать и тут же выставлять в соцсеть.

– Кто я? – страшная ухмылочка. – Ты будешь называть меня Хан, Птичка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.